

Сквозь тяжелую дрему Харе смутно слышал чьи-то голоса. Говорили о чем-то странном, нелепом:

— Он тебе что, жена?

— И как далеко вы зашли?

— Снаружи болтают... про совместную ванну...

— В твоём стиле, Сукуна. Либо никого близко не подпускаешь, либо развлекаешься по полной программе.

Раздавался и чей-то злорадный смешок:

— Ну вот, доигрался. Теперь сам же будешь локти кусать, пока малец лихорадит. Грубые мужланы не заслуживают нежности.

Закончился этот треп коротким, яростным рыком Сукуны:

— Проваливайте.

И болтунов как ветром сдуло.

Харе казалось, что этот легкомысленный, издевательский тон ему до боли знаком. А еще звучал незнакомый женский голос. Он бредил: обрывки снов мешались с воспоминаниями о виденном когда-то, а доносившиеся из реальности голоса окончательно спутали мысли. Юноша тяжело метался, лоб прорезала глубокая складка, а тело горело так, словно его заживо пожирал огонь.

Как же плохо...

Дышать становилось все труднее, воздух едва протискивался в легкие.

В этот миг Харе — тот, прежний Харе — словно разделил с ним его немую тоску. Словно заглянул в самую глубину «его» души... А там клубилась бездна. Черная, беспросветная пучина боли и бесконечных, разрывающих сердце расставаний.

Ненависть всегда была лишь изнанкой любви — оба эти чувства сплетались в самое уродливое, искаженное проклятие. Харе застрял посреди этого чистилища, разрываясь между обожанием и злобой, и его измученное сердце плавилось в невыносимом жаре.

— Горячо... как же жарко...

То ли от изнуряющего бреда, то ли от палящего зноя лихорадки Харе свернулся калачиком, покрываясь испариной.

Он что-то бессвязно пробормотал, перевернулся на спину и вялым, неловким движением сбросил тяжелое одеяло. Из-под ткани врассыпную брызнул рой лазурных бабочек, заполнив комнату беззвучным порханием.

Но даже без одеяла прохлада не пришла. Харе, в полузабытьи, потянул за ворот своего кимоно.

Наряд ему подобрали слуги из купален: роскошное алое кимоно, расшитое золотыми травяными узорами по подолу и широким рукавам. На хрупком, изящном теле юноши это изысканное одеяние горело вызывающе ярко, подчеркивая его бледность.

Подол распахнулся, обнажая тонкие, мертвенно-белые ноги, едва прикрытые краем одеяла. Золотой пояс плотно стягивал талию — такую узкую, что, казалось, ее можно было легко обхватить одной ладонью.

Распахнутый ворот открывал взору изящные ключицы и гладкую матовую кожу груди. Мышцы вздрагивали в такт рваному, частому дыханию, а мелкие капельки пота блестели на теле, точно утренняя роса.

Харе бессильно закинул руку на лоб, а пальцами другой безвольно цеплялся за ткань у шеи. Встревоженные бабочки вновь опустились на его тело, расправляя тонкие хоботки, готовые прильнуть к горячей коже, но в следующее мгновение их грубо смахнула чужая рука, покрытая черными татуировками.

Выставив за дверь непрошенных гостей, Сукуна последовал их ленивому совету. Он велел Урауме принести ледяной воды и чистое полотенце, собираясь обтереть лихорадящего мальчишку.

Пока он выжимал намокшую ткань, за спиной завозились. Обернувшись, Сукуна хмыкнул: упрямый щенок ухитрился полностью сбросить одеяло. Щеки его пылали лихорадочным румянцем, отчего весь его вид казался еще более соблазнительным. Настоящее лакомство.

Сукуна прижал язык к зазудевшему клыку, присел на край постели и, наклонившись к Харе, приложил холодную ткань к его лицу. Сначала обтер пылающий лоб, затем — виски и щеки.

Когда влажное полотенце скользнуло ниже, очерчивая линию ключиц, кадык Сукуны дернулся, а взгляд потемнел.

Казалось, жар, исходящий от кожи мальчишки, передался и ему — пальцы покалывало от нестерпимого тепла.

«Тц».

Сукуна впервые в жизни снизошел до ухода за больным, но никак не ожидал, что главным

испытанием в этом деле окажется собственное самообладание.

Этот паршивец лежал в его постели — разгоряченный, полуобнаженный, прямо-таки умоляющий об одном хорошем трахе. И ему, Королю Проклятий, предлагалось просто смотреть и не трогать?

Что за бред? Он всегда брал то, что хотел, и когда хотел!

Впрочем, вопреки кровожадной славе бедствия во плоти, проклятие лишь недовольно скривило губы и продолжило молча обтирать мокрым полотенцем беззащитное тело.

Закончив и рассудив, что с глаз долой — целее будешь, он натянул одеяло обратно до самого подбородка Харе. Сукуна уже поднялся, намереваясь выйти во внутренний дворик и остудить голову под ночным ветром, как вдруг парень капризно брыкнул ногой, напрочь скидывая укрытие.

Сукуна раздраженно выдохнул:

— Мелкий паршивец...

Он снова опустился на край матраса и с угрозой ущипнул Харе за щеку:

— Будешь брыкаться — брошу подышать. Так и знай.

— М-м... — страдальчески промычал Харе, морщась во сне. Пальцы, сжимавшие его щеку, тут же разжались.

Прохлада быстро испарилась, уступив место новой волне удушливого жара. Что-то тяжелое и мягкое снова навалилось сверху, не давая вздохнуть, и Харе сердито заворочался, силясь скинуть оковы. Но тут до его обоняния донесся знакомый, невероятно притягательный аромат.

Этот запах окутывал его перед тем, как он провалился в беспамятство, а теперь густой, пьянящий аромат спелых ягод стал еще сильнее. Сглотнув скопившуюся слюну, Харе едва слышно выдохнул сквозь сон:

—... Сукуна... вкусный...

В его лихорадочном бреде перед глазами как раз возник пышный торт, щедро политый вишневым сиропом. Он откусил огромный кусок — во рту разлилась тягучая, сочная сладость, принося долгожданное блаженство.

Для проклятия подобные слова прозвучали как прямое приглашение.

Совестью Сукуна никогда не отличался, а тут и вовсе отбросил последние крохи приличия.

Он припал к лицу юноши, жадно впиваясь в манящие губы, которые только что шептали его имя. Сначала слегка прикусил, словно пробуя на вкус, а затем ласково провел языком, утихомиривая боль.

— Вот это куда вкуснее, правда? — хрипло шепнул он прямо в губы.

В беспамятстве парень оказался легкой добычей. Стоило Сукуне легонько нажать на нижнюю челюсть, как податливые губы приоткрылись, впуская его внутрь. Харе безропотно позволял пить себя без остатка, не в силах возразить ни единым словом.

Раскаленный лихорадкой рот обжигал. Жар юноши был настолько неистовым, что Сукуне на секунду показалось, будто он сам сейчас расплавится в этих объятиях. Из его груди вырвался глубокий, довольный выдох.

Но плавиться он не собирался. Когда они наконец оторвались друг от друга, их припухшие, влажные губы так ярко алели на фоне бледной кожи, что эта манящая влага протянулась тонкой ниточкой до самой шеи.

Сукуна скользнул поцелуями ниже. Длинные ресницы Харе дрогнули — сквозь сон он почувствовал, как по телу прокатилась странная, пугающая дрожь. Это было похоже на разряды тока или на сотни крошечных муравьев, щекочущих кожу изнутри. Наваждение было настолько сильным, что мрачные картины его кошмара вместе с липкой тоской безвозвратно отступили, уступая место тягучей, обволакивающей неге.

Тело Харе чутко отозвалось на ласку, и это не укрылось от зорких глаз Короля Проклятий.

Лучшего ответа и желать было нельзя. Двумикий довольно сощурил алые глаза и, подавшись вперед, медленно провел горячим языком по его животу.

Харе резко выгнулся в пояснице, покрываясь пунцовой краской под цвет своего кимоно. — Э-э-ах... — вырвался у него задушенный стон, а кубики пресса непроизвольно напряглись.

Горячо... Это влажное, удушающе-сладкое ощущение полностью подчинило его себе. Он попытался отстраниться, но при первой же попытке сдвинуться нежная кожа наткнулась на острые клыки. Вспышка мгновенной боли смешалась с волной неведомого ранее наслаждения, заставив его окончательно очнуться.

Голова была тяжелой, соображал он с трудом. Лишенный зрения, Харе не сразу понял, где находится. В первые секунды ему показалось, что он все еще на горе Кумакума, но вокруг было слишком тепло и пахло жилым домом.

Он приоткрыл глаза — вокруг, как всегда, царил привычный мрак. Обрывки лихорадочного сна еще блуждали в сознании, мешая сосредоточиться.

Одна из бабочек уселась ему на лицо, щекоча крылышками переносицу. Все тело казалось

ватным и совершенно не слушалось.

Харе уже окончательно пришел в себя, когда уловил отчетливые, влажные звуки. В ту же секунду те невероятные, пробирающие до самых кончиков волос ощущения, что мучили его во сне, вернулись с удесятеренной силой.

— М-х-х...

Из его горла вырвался хриплый, надломившийся стон, слившись с тяжелым, прерывистым дыханием прямо у его бедер. Харе растерянно опустил взгляд — и в тот же миг все мысли в его голове испарились без следа.

Что?!

Это точно кошмар. Какого черта, едва открыв глаза, он видит, как Сукуна...

Сосет...

О боги!

Он сбрендил?! Или это проклятие окончательно лишилось рассудка?!

Харе оцепенел. В полумраке Сукуна вскинул на него взгляд, горящий издевательским, порочным торжеством. Он намеренно, причмокнув, заставил плоть издать влажный звук, и глухо пробормотал:

— Очнулся?... М-м, какая забавная реакция.

Проснуться от одного кошмара, чтобы тут же угодить в другой... Мозг еще не успел сообразить, а тело уже само идет навстречу, подрагивая от вожделения. До чего же потешно.

— Не переживай, я обслуживаю тебя по высшему разряду, — ухмыльнулся Сукуна и прильнул губами еще теснее.

В следующий миг Харе судорожно вцепился пальцами в его розовые волосы, пытаясь оттолкнуть, но лишь сильнее прижал к себе. От шока он едва мог связать и пару слов:

— Да ты... ты с ума сошел?! Как ты можешь... Прекрати... Стой! А как же... как же Урауме?! М-гх...

— У тебя еще хватает наглости вспоминать Урауме? — безжалостно оборвал его Сукуна.

Харе лишился дара речи.

Проклятье. Теперь он точно... не сможет остановиться.

— Ну-ка, покажись. Спал жар?

Спустя приличное количество времени Сукуна, усевшись по-турецки на постели, с трудом сдерживал смех, глядя на кокон из одеяла, в который намертво закатался Харе.

Из глубины кокона глухо и сердито донеслось:

— Все прошло! Отвали от меня!

Сукуна не удержался, повалился рядом и сгреб этот тканевый сверток в охапку.

— Задохнешься ведь.

Ответа не последовало. Помедлив, проклятие спросило снова:

— Обиделся, что ли?

И снова тишина.

Сукуна принял полусидячее положение и озадаченно склонил голову набок:

— И чего ты дуешься? Сам ведь только что сжимал мои волосы и притягивал к себе... По-моему, тебе очень даже понравилось. Или ты злишься, потому что я тебе губы намял?

В ответ — гробовое молчание. Сукуна развел руками и паскудно ухмыльнулся:

— Неужели из-за того, что я заставил тебя проглотить...

Договорить он не успел.

Одеяло взметнулось, и Харе, точно разъяренный кошак, вылетел из своего укрытия. Он навалился сверху, намереваясь задушить шутника подушкой, и злобно оскалил клыки:

— Если ты не заткнешься, я тебя сам придушу!

Его лицо горело пунцовым румянцем, искусанные губы заметно припухли, во рту все еще оставался терпкий привкус диких ягод, а сам он буквально дрожал от праведного гнева.

Сукуна легко перехватил его руки и прижал ладонь к его лбу.

— Надо же, и правда остыл... — Кожа больше не напоминала раскаленную печь.

Он искренне удивился. Изначально Сукуна догадывался, что регенерация у этого мальчишки завязана на особые источники подпитки, но не думал, что подобная терапия сработает так быстро и безотказно.

Ухмыльнувшись во весь рот, Король Проклятий прижал парня ближе к груди и заговорщически прошептал:

— Раз это целебное средство так хорошо помогает, давай закрепим результат? Мне кажется, тебе нужно еще немного подлечиться...

— Падла! — Харе звонко шлепнул его по руке, отворачиваясь в сторону, и упрямо отрезал: — Это все ледяная вода Урауме! И ничего больше!

Сукуна недовольно прищурился.

Опять этот Урауме. С каких пор они стали лучшими друзьями?

— Ну-ка, повтори, что именно тебе помогло? — Сукуна приник к его незащитной шее, оставляя на ней яркий, багровый след.

Харе попытался отклониться назад, упрямо твердя свое:

— Вода! Урауме!

На этот раз ворот кимоно распахнулся шире, но вместо губ туда скользнула горячая ладонь проклятия.

— А? Что-то я плохо расслышал. Повтори-ка еще раз.

Харе лишился дара речи.

— Да Урау... — Договорить ему не дали. Четырехрукий монстр навалился сверху, одной ладонью бесцеремонно зажимая ему рот, а другой бесстыдно поглаживая бедро.

— Так что же помогло? — вкрадчиво ухмылялся Сукуна.

Харе готов был зубами его загрызть от злости. Но в тот момент, когда Сукуна уже ждал яростного сопротивления, парень вдруг шумно вздохнул, обмяк в его руках и уныло уткнулся лбом в его плечо.

Сукуна медленно убрал ладонь от его губ. Вспомнив, как сильно этот невыносимый мальчишка дорожит простыми объятиями, он крепко обхватил его руками и принялся неторопливо поглаживать по спине.

— Что тебе снилось? — тихо спросил он.

Если вся комната была забита синими бабочками, то в своем кошмаре парень, должно быть, захлебывался слезами.

Харе обнял Сукуну за талию, пряча лицо на его груди:

— Утраты...

Бесконечные потери и себя самого, сломленного этим невыносимым грузом.

Рука, гладившая его по спине, на секунду замерла, но тут же возобновила успокаивающие движения. В тишине раздался низкий, ленивый голос:

— А кроме объятий? Что тебе еще по душе?

Харе едва заметно качнул головой и прижался еще плотнее, словно Сукуна был огромной, теплой мягкой игрушкой, способной защитить от всего мира.

— Достаточно... — Если просить слишком много, в итоге не останется ничего.

— А вот мне как-то маловато будет, — хмыкнул Сукуна.

Харе отчетливо почувствовал, как тело проклятия под ним снова напряглось, и мысленно выругался.

Во рту все еще держался сладковатый привкус, но очарование момента испарилось без следа. Сгорая от стыда и злости, Харе резко отпихнул Сукуну и торопливо отполз к самому краю кровати. Опасаясь новых поползновений, он выпалил:

— Повторяю в последний раз: я пришел в себя только благодаря Урауме!

Сукуна лишь досадливо цыкнул.

Тем временем Урауме, который несколько часов кряду колдовал на кухне, как раз нес к ним свежее испеченный торт. Услышав из-за двери, как Харе хвалит его старания, вечно невозмутимый мальчишка с аккуратной стрижкой под каре едва заметно улыбнулся кончиками губ.

Надо же. Харе стал вторым после господина Сукуны, кто оценил его по достоинству.

Когда-то давно из-за неконтролируемой врожденной техники его все презирали и гнали отовсюду. Он и сам ненавидел свое существование. Но встреча с великим Сукуной исцелила эту душевную рану. И пускай господин почти никогда не снисходил до похвалы, слышать добрые слова от кого-то другого было чертовски приятно.

Урауме вежливо постучал и, дождавшись разрешения, скользнул внутрь. Из полумрака комнаты ему навстречу тут же выпорхнул целый рой бабочек-проклятий. Пришлось прикрыть тарелку ладонью, чтобы эти полупрозрачные твари не испортили десерт.

Не успел слуга произнести и слова, как Харе, уловив нежный аромат сливок, мгновенно обернулся:

— Это... торт?

Его голос так и лучился искренним восторгом. Весь его угрюмый вид испарился, уступив место детской радости.

А когда он попробовал первый кусочек нежного крема, его восторгу не было предела:

— Невероятно! Урауме, ты сам это приготовил? Это же ужасно сложно! Ты просто чудо!

Харе сам когда-то пытался возиться со сладкой выпечкой и прекрасно понимал, сколько труда требует идеальный десерт.

Урауме и впрямь был величайшим кулинаром во всем мире магов.

Урауме смущенно кашлянул в кулак, пряча довольную улыбку:

— Пустяки. Господин приказал — я исполнил. Рад... рад, что тебе понравилось.

Оставшийся не у дел Сукуна лишь молча недоумевал.

Все пошло наперекосяк. По его расчетам, этот неблагодарный щенок должен был от радости броситься к нему на шею — ну или хотя бы крепко обнять в знак благодарности.

Вместо этого Харе увлеченно щебетал с Урауме, обсуждая кулинарные тонкости, а его самого бесцеремонно выставили третьим лишним.

Это что, шутка такая?

«Тц. Надо было брать его жестче».

Ничего, эту дурацкую привычку замыкаться в себе от смущения легко вылечить. Пара-тройка хороших уроков — и парень быстро станет поговорчивее.

Вспомнив, как сладко Харе заглатывал его плоть, послушно подчиняясь ласкам, Сукуна почувствовал, как глухое раздражение сменяется ленивым удовлетворением.

Ладно, пусть развлекается. Нужно же дать бедному мальчишке немного времени прийти в себя.

Проявив невиданное великодушие, Король Проклятий решил не торопить события — впереди у них была целая вечность. Вот только он никак не ожидал, что спустя всего несколько часов Харе бесследно исчезнет.

<http://bllate.org/book/19043/2005251>